

ВИД ГЛАГОЛА В РУССКИХ ОБЩИХ ВОПРОСАХ

В моей статье, которую я бы хотел в знак глубокой благодарности и сердечной дружбы посвятить Юрию Дерениковичу Апресяну и Марине Яковлевне Гловинской, рассматривается проблема, не раз привлекавшая к себе внимание этих уважаемых учёных и выдающихся личностей. Речь идёт о так называемом общефактическом употреблении НСВ в русском языке. Типичным контекстом, в котором НСВ употребляется в этой функции, являются так называемые экзистенциально-верификативные высказывания, т. е. высказывания, с помощью которых ставится под вопрос, подтверждается или отрицается реальность, фактичность того или иного положения дел в рамках данного дискурса. Экзистенциально-верификативные высказывания обычно допускают употребление обоих видов. Если с помощью общего вопроса, как в примере *Вася и Маша ВСТРЕТИЛИСЬ / ВСТРЕЧАЛИСЬ на прошлой неделе?* (прописными буквами обозначается интонационный центр вопроса), ставится под вопрос реализация описанной ситуации, то можно использовать как СВ, так и НСВ. При употреблении СВ вопрос относится к конкретной ситуации, а именно к встрече, запланированной на прошлую неделю. Если же используется НСВ, то вопрос относится не к конкретной ситуации, а к типу обозначаемой ситуации. Используя НСВ, говорящий спрашивает, имела ли место на протяжении названного промежутка времени (т. е. прошлой недели) хотя бы одна такая ситуация, как встреча Васи и Маши. Такое употребление НСВ обозначается как «общефактическое» или как «констатация факта».

В своей статье я собираюсь на примере общих вопросов показать, что экзистенциально-верификативные высказывания в НСВ могут относиться не только к типу обозначаемой ситуации, но как и вопросы в СВ, отсылать к конкретным ситуациям. В этом случае НСВ имеет не общефактическое, а процессуальное значение. Цель данной статьи описать, в каких случаях в общих вопросах, отсылающих к конкретной ситуации, возможно употребление НСВ.

1. Общие вопросы о фактичности в СВ

О. П. Рассудова [Рассудова 1982: 44], описывая употребление видов, сделала интересное наблюдение о том, что высказывания в СВ часто обозначают ожидаемую или запланированную ситуацию: «Употребляя СВ, говорящий предполагает, что действие должно было совершиться. Например, в вопросе *Ну как, вы съездили в Ленинград?* — подразумевается, что собеседник хотел, предполагал съездить в Ленин-

град, и нас интересует, осуществил ли он свое намерение. В вопросе *Вы ездили в Ленинград?* — нас интересует только, было ли такое действие. Таким образом, СВ вносит добавочное представление о том, что данное действие предполагалось».

Все примеры, которые О. П. Рассудова приводит в качестве доказательства своего наблюдения, — это экзистенциально-верификативные высказывания, т. е. высказывания, с помощью которых ставится под вопрос, подтверждается или отрицается реализация той или иной ситуации в рамках данного дискурса. И действительно, для экзистенциально-верификативных высказываний в общем случае верно, что говорящий, употребляя СВ, всегда отсылает к конкретным ситуациям, о которых, как он считает, слушающий осведомлён. Слушающий, по мнению говорящего, способен однозначно отграничить описываемую ситуацию от всех других ситуаций, которые могли бы быть названы так же. В нашем примере *Вася и Маша ВСТРЕТИЛИСЬ на прошлой неделе?* описание ситуации *встреча между Васей и Машей* с помощью СВ ограничивается настолько, что в данном дискурсе есть только одна ситуация, на которую эта предикация распространяется.

Поэтому перевод вопроса, формулируемого с помощью СВ, при котором глагол заменяется существительным, на какой-либо артиклевый язык, например на английский, должен сопровождаться определённым артиклем или другим показателем определённости¹:

- (1) Вася и Маша ВСТРЕТИЛИСЬ на прошлой неделе?
→ Did *the* meeting between Vasja and Masha take place last week?

Общие вопросы, при помощи которых ставится под сомнение фактичность ситуации, могут отсылать и к нескольким уже актуализованным ситуациям. Если в вопросе делается отсылка ко всем уже актуализованным ситуациям, тогда ситуации, фактичность которых ставится под вопрос, могут быть идентифицированы таким же образом, как при отсылке к единичной ситуации. Поэтому и в этом случае именная группа с описанием ситуации в бытийном предложении вводится определённым артиклем:

- (2) [Вася и Маша договорились три раза встретиться.] Они ВСТРЕТИЛИСЬ все три раза?
(2а) Эти (три) встречи между Васей и Машей имели место?

¹ Для наших рассуждений важно различать временную и референциальную определённую. Временная определённая подразумевает возможность однозначно локализовать ситуацию во времени. Она имеет место, когда «ситуация идентифицируется как уникальная по отношению к остальным элементам окружающего контекста» [Dickey 2000: 57]. Это условие выполняется, например, при использовании СВ в описании последовательности действий: *Он вернулся, медленно разделся и лёг*. Однако с точки зрения референциальной семантики в этом примере представлена референциальная или — в другой терминологии — специфическая неопределённость: описанные ситуации отсылают к конкретным ситуациям, которые впервые вводятся в текст. Описываемые ситуации говорящему известны, но они ещё не знакомы адресату.

Общий вопрос о фактичности в СВ может также выражать интерес говорящего к тому, состоялась ли хотя бы одна из уже актуализованных в предтексте ситуаций, как в следующем примере.

- (3) [Вася и Маша договорились встречаться.] Они хоть раз ВСТРЕТИЛИСЬ?
 (3а) Хоть одна из встреч ИМЕЛА место?
 Has at least one of the meetings taken place?

В таком случае мы имеем дело с типом референции, который в рамках именной референции называется «скрытой определённой» и которая на материале русского языка описывается в [Markowicz, Paillard 1980: 211—214].

Знание слушающего о ситуации, которое предполагается говорящим, задающим общий вопрос о фактичности в СВ, может быть передано непосредственным упоминанием в предшествующем контексте. Но оно может основываться и на ассоциациях с положением дел, заданным текстуально или ситуативно. Например, если упомянута ситуация «путешествие», то все рутинно связанные с ней ситуации считаются известными. Поэтому в рамках данного «фрейма» такие вопросы, как, например, *Ты уже КУПИЛ билеты? Ты СЛОЖИЛ чемодан? Ты ОБМЕНИЛ деньги?* или *Ты ПОЗНАКОМИЛСЯ с интересными людьми?* могут использовать СВ, даже если соответствующая ситуация предварительно не была упомянута эксплицитно. И напротив, такой общий вопрос в СВ, как *Вася НАУЧИЛСЯ в прошлом году плавать?* может открывать диалог только в том случае, если спрашивающий имеет основание предполагать, что адресат вопроса знает, что Вася в прошлом году собирался научиться плавать [Kučerová et al. 1978: 201].

Ситуации могут быть известны говорящему и слушающему только в том случае, если они предсказуемы. Случайные, неожиданные ситуации не являются предсказуемыми. Если кто-либо упал на улице или потерял шарф, то это случайные события, «happenings» в классификации ситуаций, предложенной Э. Бахом [Bach 1986: 6]. Поэтому вопросы типа (*Откуда у тебя этот синяк? Ты УПАЛ?* или (*Где твой новый шарф? Ты его ПОТЕРЯЛ?*) следует интерпретировать не как экзистенциальные, а как экспликативные. Цель обоих вопросов состоит не в том, чтобы осведомиться о реальности или нереальности описываемых ситуаций, а в том, чтобы узнать, верно ли описываются ситуации, ставшие причиной появления синяка или потери шарфа². При употреблении СВ экспликативные общие вопросы, так же,

² Экзистенциально-верификативные высказывания имеют целью подтверждать, ставить под вопрос или отрицать фактичность ситуации в рамках данного дискурса. Напротив, экспликативные высказывания относятся к описанию ситуации, фактичность которых в рамках данного дискурса предполагается. Экзистенциально-верификативные высказывания характеризуются тем, что интонационный центр всегда находится на финитной форме глагола: *Дети уже ВЕРНУЛИСЬ?* В отличие от этого, положение интонационного центра в экспликативных вопросах подвижно: оно определяется так называемым актуальным членением высказывания. *Что это за шум? Вернулись ДЕТИ?* Разница между этими типами общего вопроса можно продемонстрировать и через преобразование в именное бытийное предложение. Если мы имеем дело с экзистенциальным

как и общие вопросы о фактичности в СВ, отсылают к конкретным ситуациям. Однако, как показывают наши примеры, эти ситуации, правильность описания которых ставится под вопрос, не обязательно должны быть известными слушающему. Поэтому в данных примерах именная группа с описанием ситуации в артиклевых языках, например в английском, при преобразовании в бытийное предложение должна сопровождаться неопределённым артиклем.

- (4) [Где твой новый шарф?] Ты его ПОТЕРЯЛ?
→ Was there a LOSING of the new scarf?

В таком случае мы имеем дело с так называемым референтным или специфическим употреблением неопределённого артикля. Именная группа относится к конкретной ситуации, которую, однако, слушающий по предположению говорящего, не может идентифицировать, так как она впервые вводится в дискурс. Таким образом становится ясно, что связь между СВ и известностью запрошенной ситуации в общих вопросах обязательна только тогда, когда общие вопросы имеют экзистенциальную функцию.

2. Общие вопросы в НСВ, относящиеся к типу обозначаемой ситуации

Общие вопросы в НСВ, в отличие от соответственных вопросов в СВ, относятся не к конкретной ситуации, которая слушающему, по предположению говорящего, известна, а к типу обозначаемой ситуации. Вопрос в НСВ *Вася и Маша ВСТРЕЧАЛИСЬ на прошлой неделе?* касается того, произошла ли в течение прошлой недели хотя бы один раз такая ситуация, которую можно обозначить как «встреча Васи и Маши». Описание ситуации происходит в этом случае, в отличие от соответствующего вопроса в СВ, нереферентно или, в другой терминологии, неспецифически. В данном случае именная группа с описанием ситуации в артиклевом языке, например в английском, при перефразировании такого вопроса в бытийное предложение должна сопровождаться неопределённым артиклем:

- (5) *Вася и Маша ВСТРЕЧАЛИСЬ на прошлой неделе?*
→ Was there a MEETING between Vasja and Masha last week?

вопросом, то интонационный центр в бытийной парафразе находится на бытийном глаголе: *Ситуация X (возвращение детей) ИМЕЛА место?* В случае же экспликативного вопроса интонационный центр в бытийной парафразе находится на описании ситуации: *Имела место СИТУАЦИЯ X (возвращение детей)?* В данной статье я ограничиваюсь рассмотрением экзистенциальных общих вопросов, с помощью которых запрашивают информацию о существовании, фактичности обозначаемой ситуации в рамках данного дискурса.

В таком случае мы имеем дело с нереферентным, или неспецифическим, употреблением неопределённого артикля [Heusinger 2002]³. Именная группа в этой нереферентной интерпретации относится к любому положению дел на прошлой неделе, которое принадлежит классу «встреча Васи и Маши».

Общий вопрос в НСВ, который отсылает к типу обозначаемой ситуации, допускает ответ, который может содержать указание на несколько ситуаций (а), на отсутствие запрошенной ситуации (б), ровно на одну ситуацию (в).

- (б) — Вася и Маша ВСТРЕЧАЛИСЬ на прошлой неделе?
- (а) — Да, много раз.
- (б) — Нет, они не встречались.
- (в) — Да, один раз встречались.

Обобщая вышесказанное, можно сказать, что вопрос в СВ касается того, состоялась ли определённая встреча (*the meeting*), хотя бы одна из определённых встреч (*one of the meetings*) или несколько определённых встреч (*the meetings*), т. е. встречи, которые, по мнению говорящего, известны слушающему и про которые он знает, что они были запланированы на прошлую неделю. Вопросу в СВ *Вася и Маша ВСТРЕТИЛИСЬ на прошлой неделе?*, если он отсылает ровно к одной ситуации, в русском языке соответствует бытийное предложение (7):

- (7) Встреча Васи и Маши на прошлой неделе ИМЕЛА место?

Именная группа с описанием ситуации *встреча* является темой бытийного предложения и в русском языке обязательно интерпретируется как определённая.

Напротив, при вопросе в НСВ спрашивается, имела ли место на прошлой неделе хотя бы одна такая ситуация, как встреча Васи и Маши. Нереферентную интерпретацию именной группой с описанием ситуации *встреча Васи и Маши* в русском языке можно маркировать местоимением *такой*.

- (8) Такая ситуация, как встреча Васи и Маши, на прошлой неделе ИМЕЛА место?

Следующая таблица подводит итог тому, что было показано выше.

1. СВ в конкретно-фактической функции

Вася и Маша ВСТРЕТИЛИСЬ?

Ситуация X ИМЕЛА место?

Did the situation X take place? / Has the situation X taken place?

³ Неопределённый артикль в германских языках имеет две различных функции, которые можно продемонстрировать на таком известном примере, как *Я ищу двухрублёвую монету*. С одной стороны, выражение *двухрублёвую монету* можно понять нереферентно или — в другой терминологии — неспецифически, например тогда, когда мне нужна монета для автомата. С другой стороны, его можно понять референтно или специфически, например тогда, когда речь идёт о поиске монеты, которая выпала из кошелька, см. [Vreu 2002: 29—32]. В обсуждаемом примере (5) с НСВ *Вася и Маша ВСТРЕЧАЛИСЬ на прошлой неделе?* мы имеем дело с нереферентным употреблением описания ситуации *встреча*.

Вася и Маша хоть раз ВСТРЕТИЛИСЬ?

Хотя одна из ситуаций X ИМЕЛА место?

Did at least one of the situations X take place? / Has at least one of the situations X taken place?

Вася и Маша ВСТРЕТИЛИСЬ?

Ситуации X ИМЕЛИ место?

Did the situations X take place? / Have the situations X taken place?

2. НСВ в общефактической функции

Вася и Маша ВСТРЕЧАЛИСЬ?

Такая ситуация, как X, ИМЕЛА место?

Did a situation such as X take place? / Has a situation such as X taken place?

Вася и Маша хоть раз ВСТРЕЧАЛИСЬ?

Хотя бы одна такая ситуация, как X, ИМЕЛА место?

Did at least one situation such as X take place? / Has at least one situation such as X taken place?

Вася и Маша ВСТРЕЧАЛИСЬ?

Такие ситуации, как X, ИМЕЛИ место?

Did situations such as X take place? / Have situations such as X taken place?

Общие вопросы в НСВ, которые относятся к типу ситуации, не содержат информации о точной временной локализации ситуации внутри заданного промежутка времени. Они и не могут содержать такую информацию, потому что при нереперентном описании ситуации в вопросе остается открытым, насколько часто интересующая говорящего ситуация имела место на протяжении данного промежутка времени. Поэтому обстоятельства времени (*в семь часов*), указания на длительность события (*два часа*) или указания на кратность (*три раза*) всегда являются частью описания ситуации. Например, в предложении *Ты раньше ВСТАВАЛ в пять часов?* обстоятельство времени *в пять часов* не локализует данную ситуацию во времени, а является частью описания ситуации, временная локализация которой остаётся неизвестной, поскольку использован НСВ, отсылающий к типу ситуации. И в таком примере, как

(9) Ты когда-нибудь ПРОЧИТЫВАЛ 200 страниц за одну ночь?

выражение срока *за одну ночь* является частью описания ситуации. В этом примере спрашивается, имела ли место такая ситуация, как «чтение 200 страниц за одну ночь» во временном промежутке, который, исходя из нашего знания о мире, начинается с того момента, когда человек приобретает умение читать, и кончается в момент речи. В этом примере мы имеем дело с общефактическим употреблением НСВ, которое соответствует английскому «Experiential perfect»:

(9a) Have you ever read 200 pages in one night?

Общефактическое употребление НСВ в общих вопросах о фактичности ситуации возможно не только в прошедшем, но и в будущем времени:

(10) Вася и Маша БУДУТ встретаться в следующем году?

Но при употреблении НСВ как общефактического между прошедшим и будущим временем есть различие, на которое указала уже О. П. Рассудова [Рассудова 1982: 76]: для того чтобы дать положительный ответ на вопрос в прошедшем времени, который касается типа ситуации, достаточно указать ровно на одну такую ситуацию. Для вопросов в будущем времени это неверно, поскольку в будущем времени вопрос в НСВ, относящийся к типу ситуации, всегда подразумевает не менее двух ситуаций. Поэтому в парафразе с бытийным предложением номинализованное описание ситуации должно стоять во множественном числе.

(10а) В следующем году БУДУТ иметь место такие ситуации, как *встречи* Васи и Маши?

Общие вопросы в НСВ возможны и в настоящем времени. В отличие от предложений с прошедшим и будущим временем, в таких случаях задаётся вопрос о частотности описываемой ситуации.

(11) — Вася и Маша ВСТРЕЧАЮТСЯ?

— Да, каждую неделю / три раза в месяц / иногда. Нет, никогда.

В настоящем времени на соответствующий вопрос нельзя ответить указанием на точное количество ситуаций, поскольку настоящее концептуализируется как неограниченный отрезок времени. Поэтому именная группа с описанием ситуации при перефразировании вопроса в бытийное предложение должна стоять во множественном числе. При этом частотность ситуации можно уточнить бытийным глаголом *бывать*.

(11а) Такие ситуации, как *встречи* Васи и Маши, БЫВАЮТ?

Нереферентное или — в другой терминологии — неспецифическое употребление языковых выражений всегда предполагает, что в референциальном пространстве потенциально наличествуют несколько сущностей, к которым подходит данное описание. Для ситуаций как для сущностей во времени это означает, что предикация в НСВ может быть интерпретирована как отсылающая к типу ситуации только в том случае, если описываемая ситуация является повторяемой [Mehlig 1988; Падучева 1996: 44; Шатуновский 2004: 368]. Поэтому НСВ в предикациях, описывающих единичные события, ни при каких условиях не может получить общефактическую интерпретацию. Историческим событиям, напр. *Переход Юлия Цезаря через Рубикон* или *Открытие памятника Пушкину в Москве в 1880 г.*, точно так же изначально присуща единичность, как и словосочетаниям *Большой театр в Москве* или *наше солнце*. Поэтому НСВ в таких примерах, как *В 49 г. до н. э. Юлий Цезарь переходил РУБИКОН* или *В 1880 г. в Москве открывали памятник ПУШКИНУ* допускают только конкретно-процессуальную, а не общефактическую интерпретацию НСВ и именно поэтому данные примеры обязательно требуют продолжения.

Но и ситуации, которые исходя из нашего знания о мире не концептуализируются как единичные, не всегда бывают повторяемыми. При этом повторяемость запрашиваемой ситуации зависит как от семантических, так и от прагматических факторов. Так называемые предикаты индивидного уровня (*individual-level predicates*), в другой терминологии качественные или вневременные предикаты, напр. *владеть языком*, *сторониться людей* или *носить имя*, абстрагируются от всех конкретных проявлений обозначаемого свойства и обозначают ситуации, которые не допускают дискретной локализации на временной оси. Эти предикаты определяются тем, что они называют некантифицируемые ситуации. Поэтому для них по определению исключено общефактическое понимание НСВ. Такие вопросы, как *Вася ВЛАДЕЛ русским языком?* или *Маша СТОРОНИЛАСЬ людей?* в прошедшем времени НСВ относятся не к нескольким ситуациям, а к состоянию, недискретно локализованному во времени, которое в момент речи уже не имеет места.

В отличие от этого предикаты стадийного уровня (*stage-level predicates*), в другой терминологии эпизодические или временные предикаты, обозначают ситуации, которые допускают конкретную локализацию во времени и тем самым в принципе являются повторяемыми. Однако и здесь имеются как семантические, так и прагматические ограничения для общефактической интерпретации НСВ. Эпизодические ситуации, которые концептуализируются во временном плане как гомогенные, например *стоять*, *держат что-либо*, *махать руками*, *бросать камни в воду*, *выдавать книги*, всегда являются повторяемыми. Для них верным является принцип «произвольной подразделяемости» (*subinterval property*). Они могут как угодно дробиться на части и поэтому характеризуются тем, что могут быть прерваны и возобновлены. Поэтому для этих предикатов общефактическое употребление НСВ возможно без каких-либо ограничений, и это вне зависимости от того, идёт ли речь о состояниях типа *висеть* и *сиять* или о действиях типа *искать* и *скупать*. *На кухне вчера ночью ГОРЕЛ свет? Вася на прошлой неделе КУПАЛСЯ? Маша вчера ГУЛЯЛА свои обычные два часа?* Эта разновидность общефактического употребления НСВ часто обозначается как «общефактическое нерезультативное». Точнее, однако, предложенное Е. В. Падучевой [Падучева 1996: 10] название «общефактическое непредельное», так как ситуации, концептуализируемые как гомогенные, по определению не имеют результата.

Если речь идёт об эпизодических предикатах, которые обозначают ситуации, негомогенные во временном отношении, т. е. ситуации, в которых начальное и конечное состояние не индентичны, напр. *accomplishments* и *achievements* в классификации З. Вендлера, то повторяемость зависит в первую очередь от референциального статуса внутренних аргументов. Если внутренние аргументы в этих предикациях имеют общереферентный статус и таким образом запрашиваемая ситуация отсылает к любому представителю обозначенного класса, то соответствующие положения дел всегда являются повторяемыми, и для общефактического употребления НСВ не существует никаких ограничений: *Вася когда-нибудь ПЕРЕВОДИЛ немецкие тексты? Маша раньше СУШИЛА груши?*

Если же аргумент в предикации, обозначающей гетерогенные во временном отношении ситуации, отсылает к определённом объекту, то повторяемость зависит от того, имеет ли описанная ситуация своим следствием непосредственный или опосредованный результат, «direct result» или «indirect result» в терминологии Р. Дэклерк [Declerck 2006]. На это важное для категории вида различие указывает М. Я. Гловинская [Гловинская 2001: 231], которая различает для гетерогенных во временном отношении ситуаций понятия «результат» (непосредственный результат) и «эффект» (опосредованный результат)⁴. Мы имеем дело с непосредственным результатом, если «результатирующее состояние неизбежно возникает по окончании ситуации» [Declerck 2006: 302]. Для такой предикации, как *Вася потерял все волосы*, непосредственный результат состоит в том, что у Васи на голове лысина. Однако такая ситуация, как потеря волос, имеет и опосредованные результаты. Они могут, например, состоять в том, что Вася теперь постоянно носит шапку, или в том, что он больше не считает себя привлекательным.

Существуют такие гетерогенные во временном отношении ситуации, которые имеют только косвенные эффекты, например *спрашивать*, *показывать* или *оскорблять*. Ситуации, обозначаемые этими предикатами, не имплицируют никаких непосредственных результатов, т. е. результатов, которые внутренне присущи семантике этих глаголов и которые автоматически возникают, когда ситуации, описываемые этими глаголами, достигают своей кульминации. Поэтому такие ситуации всегда являются повторяемыми, так что для общефактического понимания НСВ не возникает препятствий: *Вася ПОКАЗЫВАЛ тебе письмо от брата?* Это употребление НСВ носит название «общефактическое результативное». При этом необходимо иметь в виду, что слово «результативное» в данном случае обозначает не достижение непосредственного результата, а достижение косвенного эффекта. В отличие от этого такие глаголы и глагольные группы, как *открывать письмо*, *покупать книгу* или *приезжать в Москву*, обозначают ситуации, которые имеют непосредственный результат. Ситуации, имеющие своим итогом непосредственный результат, при отсылке к конкретному объекту после достижения этого результата являются повторяемыми только в том случае, если его можно отменить. Допускает ли непосредственный результат отмену — это вопрос нашего знания о мире, и в связи с этим в конечном итоге решающими оказываются прагматические факторы. Наши знания о мире говорят, что такая предикация, как *Вася потерял все волосы*, в общем случае обозначает ситуацию, непосредственный результат которой не может быть отменён. Если непосредственный результат достигнут, то это ситуация неповторяемая, и тем самым референция к виду обозначаемой ситуации, т. е. общефактическая интерпретация НСВ, исключается. Но это всё-таки не обязательно, поскольку даже для этой ситуа-

⁴ Ср. также работу А. Грённа и М. Филюшкиной Краве [Гренн, Филюшкина Краве 2007: 54], которые различают «лексикализованное» (*Книга зачитана до дыр*) и «тривиальное» итоговое состояние (*читать «Войну и мир»*). Подробное исследование этого различия можно найти у [Mittwoch 2008], где используется понятия «strong resultatives» и «weak resultatives».

ции можно найти контексты, в которых непосредственный результат может быть отменён — например, в случае потери волос после химиотерапии:

- (12) — Вася уже ТЕРЯЛ все волосы?
— Да, когда ему делали химиотерапию.

В этом контексте мы имеем дело с употреблением НСВ, которое обозначается как «общефактическое двунаправленное». НСВ обозначает ситуацию, результат которой был аннулирован.

Наконец, и такие ситуации, которые подразумевают непосредственный неотменяемый результат, не исключают общефактического употребления НСВ. Это верно в том случае, если описываемая ситуация 1) имеет предварительные стадии, обладающие определённой самостоятельностью и 2) не достигла своего непосредственного результата. Примером такого рода может послужить столь любимая аспектологами ситуация умирания. Смерть в нашем мире считается необратимой. Но ситуация умирания для одного и того же человека повторяема, если она не достигает своего непосредственного результата. Поэтому предикация с НСВ в общефактическом употреблении, как, например, в (13), может относиться только к состоянию, предшествующему смерти.

- (13) [Мне смерть не страшна. Я уже несколько раз умирал.] А ты хоть раз УМИРАЛ?

В этом случае мы имеем дело с употреблением НСВ, которое по праву можно называть «общефактическое нерезультативное». Его надо отличить от «общефактического непредельного», которое налицо при отсылке к гомогенным ситуациям.

Как на многочисленных примерах показывает М. Я. Гловинская, без контекста часто трудно решить, с каким из указанных здесь прочтений общефактического НСВ мы имеем дело. Такой вопрос, как *Вася БРОСАЛ курить в своё время?*, с одной стороны, может обозначать — может быть, многоразовую — безуспешную попытку Васи бросить курить (общефактическое нерезультативное). С другой стороны, этот пример может быть понят так, что Вася в момент речи оказывается курящим и цель вопроса — узнать, добивался ли Вася в прошлом хотя бы однажды успеха, бросая курить (общефактическое двунаправленное).

Важно указать, что онтологические характеристики ситуаций, как, например, «точечность» vs. «дуративность» или «динамичность» vs. «статичность», нерелеванты для повторяемости. То же касается и различия между агентивными и неагентивными ситуациями. Даже неагентивные ситуации, например замерзание озера, допускают общефактическое понимание НСВ, поскольку озёра могут замерзать и оттаивать в зависимости от погоды, так что непосредственный результат является обратимым.

- (14) — Озеро в прошлом году ЗАМЕРЗАЛО?
— Да, один раз замерзало. / Замерзало не раз. / Нет, ни разу не замерзало.

Пример (14) — это пример «общефактической двунаправленной» интерпретации НСВ.

3. Общие вопросы в НСВ, относящиеся к конкретной ситуации

Мы видели, что потенциальная повторяемость ситуации является необходимым условием для употребления НСВ в общефактическом значении. При этом выяснилось, что повторяемость ситуаций, которые имеют непосредственный результат, зависит от референциального статуса аргументов. Если внутренний аргумент в таких общих вопросах, как (15) и (16)

- (15) — Ты когда-нибудь ПОЛУЧАЛ посылку на почте?
 — Да, и не раз.
 — НАДО брать с собой паспорт?
 (16) — Вася раньше уже ПОКУПАЛ кожаную куртку?
 — Да, покупал. Даже два раза.

имеет общереферентный статус, тем самым предопределяя, что и предикация будет относиться к типу ситуации, то ситуация концептуализируется как повторяемая: ведь получать посылки на почте приходится нередко, а покупку кожаной куртки тоже можно осуществить несколько раз. Эти вопросы относятся к типу ситуации, реальность которой ставится под вопрос. Поэтому именная группа с описанием ситуации при перефразировании вопроса в бытийное предложение должна вводиться показателем неспецифичности.

- (15a) Такая ситуация, как получение посылки на почте, ИМЕЛА место?
 Has there been a situation such as collecting a parcel?
 (16a) Такая ситуация, как покупка кожаной куртки, раньше ИМЕЛА место?
 Was there a situation such as buying a leather jacket formerly?

Однако внутренний аргумент в обоих этих примерах может относиться и к конкретному референту, например к определённой посылке, которую Вася получил от Маши, или к определённой куртке, которую говорящий и слушающий видели на витрине. При таком понимании аргумент в артиклевом языке будет вводиться определённым артиклем или другим показателем определённости.

- (17) Has Vasja collected Masha's parcel?
 (18) Did you buy the leather jacket we saw yesterday?

Если внутренний аргумент в этих примерах относится к конкретному референту, то описываемые ситуации на основании наших знаний о мире воспринимаются как неповторяемые. Нельзя несколько раз забрать на почте одну и ту же посылку. В обычном случае кожаную куртку не относят после покупки в магазин, чтобы потом купить её снова. Эти ситуации при референции на конкретный объект на основе нашего жизненного опыта интерпретируются как неповторяемые. Следовательно, эти вопросы при конкретной референции внутреннего аргумента не могут относиться к типу обозначаемой ситуации, а могут относиться только к конкретной ситуации. Поэтому в соответствующих вопросах, как правило, используется СВ.

(17a) [Вася БЫЛ на почте?] Он ПОЛУЧИЛ посылку от Маши?

(18a) Ты сегодня КУПИЛ ту кожаную куртку, которую мы вчера видели?

Но и при референции к конкретной ситуации не исключено употребление НСВ. Для нашего примера (17) контекст, который делает возможным употребление НСВ, выглядит следующим образом:

(17b) Вася посылку от Маши ПОЛУЧАЛ? А марки он не ЗАБЫЛ купить?

В примере (18) при референции к определённой ситуации также может быть употреблён НСВ, как показала Е. В. Падучева. Она отмечает, что вопрос *Ты сегодня ПОКУПАЛ кожаную куртку?* может быть оправдан, «если приобретение куртки намечалось на сегодняшний день заранее» [Падучева 1996: 47]. Такая интерпретация возможна, например, в следующем контексте:

(18b) Ты сегодня ту кожаную куртку, которую мы вчера видели, ПОКУПАЛ? А большие размеры там ЕСТЬ? / А другого покроя у них там НЕТ?

Приведём ещё несколько примеров, показывающих, что в общих вопросах, относящихся к определённым, ожидаемым ситуациям, возможно и употребление НСВ.

(19) Вы вчера ПЕРЕДВИГАЛИ пианино, как собирались? Паркет не ПОВРЕДИЛИ?

(20) Ты мою статью уже ПЕРЕВОДИЛ? Ты ЗАМЕТИЛ, что там есть ошибка в нумерации примечаний?

(21) Ты ЗАПОЛНЯЛ анкету, которую я тебе вчера дал? Как ты ответил на второй вопрос?

(22) Ты вчера УЗНАВАЛ расписание, как собирался? А ты не СПРОСИЛ, в какой аудитории будет первая лекция?

(23) Ты вчера в городе БЫЛ? Билеты на завтра ПОКУПАЛ? В партере ещё ЕСТЬ места?

(24) Ты статью уже СОКРАЩАЛ? Сколько страниц тебе удалось сократить?

(25) Ты ОТНОСИЛ книги, как собирался? Библиотека ОТКРЫТА?

Возможность в предикациях, относящихся к конкретной ситуации, употреблять наряду с СВ также и НСВ, не ограничена прошедшим временем. Она существует и в будущем времени:

(26) Ты завтра БУДЕШЬ относить эти книги в библиотеку? Тогда возьми и мои.

(27) [Вы договорились с Машей о встрече.] Вы завтра БУДЕТЕ встречаться с Машей? Вы не ПЕРЕДАДИТЕ ей эту книгу?

Во всех этих примерах общие вопросы в НСВ, как и соответствующие вопросы в СВ, относятся не к типу описываемой ситуации, а к конкретной ситуации, которая, по мнению говорящего, известна слушающему. Соответствующие описания ситуаций имеют определённый референциальный статус не только при употреблении СВ, но и при употреблении НСВ. Поэтому в парафразе с бытийным предложением именная группа с описанием ситуации и в случае употребления НСВ должна вводиться определённым артиклем или показателем определённости.

(17c) Has *the* collecting of Masha's parcel taken place?

(18c) Did *the* buying of the leather jacket take place today?

В каких же условиях возможно употребление НСВ в общих вопросах, относящихся к фактичности конкретных ситуаций? И в чём состоит семантическое различие между СВ и НСВ в случаях, когда, как в наших примерах, общие вопросы о фактичности относятся к конкретным ситуациям? В общих вопросах, которые относятся к гетерогенным во временном отношении конкретным ситуациям, как правило, употребляется СВ. Цель вопроса в СВ — выяснить, достигла ли соответствующая ситуация кульминации. Однако у говорящего есть возможность употребить и НСВ, тем самым затемняя достижение кульминации и выводя на первый план процесс, связанный с данной ситуацией. Иначе говоря, когда в общих вопросах, относящихся к конкретной ситуации, употребляется НСВ, цель вопроса состоит не в выяснении результата. Напротив, тема таких вопросов — процесс, предшествующий изменению ситуации. Такие вопросы относятся к деятельности, каузирующей изменение состояния. Их задают, чтобы узнать о других ситуациях, происходивших **во время** ситуаций, представленных в вопросе. Именно поэтому общие вопросы о фактичности в НСВ, относящиеся к конкретной ситуации, в случае утвердительного ответа всегда требуют продолжения. Так, диалог

- (28) — Вы вчера ПЕРЕДВИГАЛИ пианино, как собирались?
— Да, ПЕРЕДВИГАЛИ.

будет неполным, и в случае, если продолжения не последует, вызовет у слушающего желание уточнить: *А что? Почему ты об этом спрашиваешь?* и т. п. Общие вопросы в НСВ, относящиеся к конкретной ситуации, как во всех приведённых примерах, требуют обязательного продолжения.

В общих вопросах о реализации конкретной ситуации, в которых употребляется НСВ, на первый план выходит процесс, деятельность, которая ведёт к изменению исходного состояния. В связи с этим они не содержат информации о том, достигла ли эта ситуация кульминации. Результативная интерпретация НСВ может выводиться исключительно из контекста или из текущего положения дел: информация о достижении результата может либо содержаться в предшествующем тексте, либо быть частью текущей ситуации.

Как правило, в общих вопросах, относящихся к конкретной ситуации и имеющих целью дальнейшие уточнения о других связанных с ней ситуациях, если эти ситуации достигли кульминации, возможно употребление как СВ, так и НСВ. Это демонстрируют уже упоминавшиеся примеры (17), (20) и (22).

- (17) Вася посылку от Маши ПОЛУЧИЛ / ПОЛУЧАЛ? А марки он не ЗАБЫЛ купить?
(20) Ты мою статью уже ПЕРЕВЁЛ / ПЕРЕВОДИЛ? Ты ЗАМЕТИЛ, что там есть ошибка в нумерации примечаний?
(22) Ты вчера УЗНАЛ / УЗНАВАЛ расписание, как собирался? А ты не СПРОСИЛ, в какой аудитории будет первая лекция?

Эта возможность в общих вопросах о фактичности менять СВ на НСВ, как она представлена в этих примерах, которые отсылают к конкретным, уже актуализованным ситуациям, называется видовой конкуренцией. О синонимии видов здесь

речи не идёт. Мы имеем дело со своего рода перспективацией, т. е. идентичные в денотативном плане ситуации представляются в разных ракурсах. Если речь идёт о ситуациях, гетерогенных во временном плане, например об Accomplishments, то СВ употребляется тогда, когда тематизируется достижение кульминации обозначаемой ситуации, а НСВ употребляется тогда, когда тематизируется связанная с этой ситуацией деятельность. Если в примерах (17), (20) и (22) употребляется СВ, то между ситуациями в первом и последующем вопросе устанавливается не временная, а только логическая связь. Если же употребить НСВ, то между ними возникает именно временная связь. В вопросах идёт речь о том, произошла ли **одновременно** с первой ситуацией вторая — не забыл ли Вася купить марки **при** получении посылки. При употреблении НСВ описываемые ситуации представляются как происходящие в одно и то же время.

Как мы видели, референция к типу ситуации, т. е. общефактическая интерпретация НСВ, возможна лишь при описании повторяемой ситуации. При употреблении НСВ в предикациях, относящихся к конкретной ситуации, это условие не выполняется. Однако здесь имеет место другое ограничение. Как мы видели, НСВ в общих вопросах о фактичности конкретной и гетерогенной во временном отношении ситуации всегда отсылает к деятельности, которая каузирует изменение ситуации. По этой причине НСВ может употребляться в таких общих вопросах только тогда, когда речь идет об агентивных контролируемых ситуациях с процессным компонентом. Поэтому М. Лейнонен [Leinonen 1982: 190] вслед за Дж. Лайонсом [Lyons 1977: 491] в связи с этим говорит об оперативной схеме («operative schema»), лежащей в основе такого употребления НСВ. Е. В. Падучева [Падучева 1996: 48—52], исследуя употребление НСВ в высказываниях, где — в отличие от общих вопросов о фактичности — глагол является темой высказывания, определяет соответствующее употребление НСВ как «акциональное значение общефактического НСВ». Поскольку употребление НСВ в общих вопросах, которые отсылают к конкретной ситуации, допускается только тогда, когда ставится под вопрос контролируемая ситуация с процессным компонентом, такие общие вопросы в НСВ, как *Маше ПРИХОДИЛОСЬ встречаться с Васей? Вася уже ТЕРЯЛ свой паспорт? Вася ВЫИГРЫВАЛ деньги по лотерее?* или *Маша СПОТЫКАЛАСЬ на этом месте?*, в которых описываются ненамеренные, случайные ситуации, можно интерпретировать только как референцию к типу описываемой ситуации, т. е. как общефактические. Как показал Ю. Д. Апресян [1995: 606], такие глаголы, как *узнавать*, *разбивать* или *получать*, могут описывать как контролируемые, так и неконтролируемые ситуации. Поскольку при употреблении НСВ в общих вопросах, описывающих конкретные ситуации, всегда предполагается, что речь идёт о контролируемых ситуациях, в таких вопросах, как (17) или (22), возможны только намеренные действия.

Таким образом, становится ясно, что общие вопросы, посредством которых ставится под вопрос фактичность обозначаемой ситуации, допускают две принципиально разные интерпретации. Они могут, с одной стороны, отсылать к типу

обозначаемой ситуации и запрашивать, имела ли место хотя бы одна ситуация обозначаемого типа. С другой стороны, — если мы имеем дело с контролируруемыми ситуациями — они могут отсылать и к конкретной ситуации, а именно к ситуации, которую слушающий, по предположению говорящего, знает. Без дальнейшего контекста такой вопрос, как *Ты ЗАПОЛНЯЛ анкету?*, допускает обе интерпретации. Если ставится под вопрос фактичность типа обозначаемой ситуации, тогда мы имеем дело с нейтрализацией видовой оппозиции и допускается только НСВ. Если же этот вопрос отсылает к конкретной ситуации, тогда при условии достижения обозначаемой ситуации своей кульминации обычно употребляется СВ, но допускается и употребление НСВ, а именно тогда, когда вопрос относится к деятельности заполнения анкеты, а цель вопроса состоит в том, чтобы запросить о других ситуациях, которые произошли или происходили во время заполнения анкеты.

Оказывается, таким образом, что употребление видов в общих вопросах о фактичности ситуации требует тех же условий, что и частичные вопросы с *кто* [Mehlig 2001]. В полном соответствии с общим вопросом *Ты ЗАПОЛНЯЛ анкету?* и такой частный вопрос в НСВ, как *Кто заполнял эту анкету?* может, с одной стороны, отсылать к типу ситуации, существование которой вопрос предполагает: *Кто уже заполнял когда-нибудь эту анкету и знает, как отвечать на третий пункт?* В этом случае замена вида невозможна, допускается только НСВ. Однако, с другой стороны, этот вопрос может отсылать и к одной или нескольким конкретным ожидаемым или, может быть, уже реализованным ситуациям: *Кто из вас уже заполнял анкету, которую я вам вчера дал?* В этой второй интерпретации наш вопрос, как правило, формулируется в СВ, так как цель этого вопроса обычно состоит в том, чтобы выяснить, у кого есть результат, кем уже заполнена анкета. А если в этой второй интерпретации употребляется НСВ, то вопрос относится не к результату, а к процессу. Вопрос отсылает к деятельности заполнения данной анкеты и имеет целью получить информацию о других ситуациях, которые могли бы иметь место во время заполнения этой анкеты: *Кто из вас уже заполнял анкету, которую я вам вчера дал? Как вы ответили на последний вопрос?* Поэтому, как показал А. Израэли [Israeli 1998: 61], и вопросы с *кто*, относящиеся к конкретным ситуациям, так же как общие вопросы о фактичности конкретной ситуации в НСВ, обязательно требуют продолжения. Если в ответе на вопрос типа (29) уточняется лишь агент, такой диалог воспринимается как неполный.

- (29) — Кто укладывал чемодан?
— Я.

Выводы

Наши рассуждения показывают, что общие вопросы о фактичности обозначаемой ситуации, в которых употребляется НСВ, допускают две существенно различные интерпретации. Во-первых, они могут относиться к типу ситуации. Референция к типу возможна только в том случае, если речь идёт о повторяемой ситуации.

Во-вторых, общие вопросы в НСВ могут относиться к конкретной ситуации. Во втором случае мы всегда имеем дело с ситуациями, которые слушающий, по мнению говорящего, знает. При отсутствии дальнейшего контекста такой общий вопрос в НСВ, как *Вася ПЕРЕВОДИЛ немецкие тексты?*, допускает обе интерпретации.

Во-первых, такой вопрос может относиться к типу описываемой ситуации. В таком случае описание ситуации употребляется нереферентно или, в другой терминологии, неспецифически. Эта интерпретация обязательна, если внутренний аргумент *немецкие тексты* относится не к конкретному референту, а имеет обще-референтный статус.

- (30) — Вася (когда-нибудь / раньше) ПЕРЕВОДИЛ немецкие тексты?
 — Да, переводил, и не раз. / Да, однажды переводил. /
 — Нет, (ни разу) не переводил.

Однако референция к типу для нашего вопроса возможна и тогда, когда внутренний аргумент относится к определённом, идентифицируемому референту, например, к некоторым немецким текстам, о которых известно из контекста диалога, поскольку один и тот же текст может быть переведён несколько раз, как, например, школьное задание. В этой первой интерпретации, в которой вопрос отсылает к типу обозначаемой ситуации, противопоставление СВ и НСВ нейтрализуется. Референция к типу возможна только в НСВ, поскольку предикации в СВ никогда не относятся к типу ситуации, а только к конкретной ситуации. Употребление НСВ для референции к типу ситуации недаром описывается как «общефактическое»: при такой референции возникает обобщение названной ситуации. Как мы видели, такое употребление НСВ не ограничено лишь прошедшим временем. Референция к типу возможна также и в будущем времени, но не в настоящем. Стоит добавить, что, разумеется, при употреблении неличных форм глагола в НСВ также возможна референция к типу, например в императиве *Уходя, гасите свет* или в инфинитиве *Здесь можно курить*. Если, как в этих примерах, речь идёт об общих инструкциях, то тоже нет конкуренции видов. Допускается только НСВ.

Кроме того, наш вопрос *Вася ПЕРЕВОДИЛ немецкие тексты?* может относиться и к конкретной ситуации. В таком случае внутренний аргумент *немецкие тексты* должен относиться к конкретному объекту. В этой интерпретации вопрос может быть поставлен как в СВ, так и в НСВ. Независимо от выбора видовой формы, в этой второй интерпретации вопрос относится к ситуации, о которой, по мнению говорящего, слушающий осведомлён. Здесь, как правило, употребляется СВ. Возможно, однако, и употребление НСВ, а именно тогда, когда вопрос относится к процессу, который приводит к изменению состояния. Такой взгляд на процесс в нашем примере возможен, поскольку вопрос описывает контролируемое действие, имеющее процессный компонент. В таком случае вопрос в НСВ имеет фоновую функцию. Его цель — уточнить существование других ситуаций, происходивших *при* переводе этих текстов. При таком употреблении НСВ речь не идёт об обобщении факта. По моему мнению, здесь перед нами не общефак-

тическое значение НСВ, а вариант «процессуального» значения НСВ. Так называемое «процессное» или «процессуальное» значение НСВ имеет два варианта, которые в рамках типологического проекта EUROTYPE 20-6 «Tense and Aspect in the Languages of Europe» [Dahl 2000: 526—538] различаются терминологически как «focalized progressive» (фокусно-процессуальное) и «durative progressive» (дуративно-процессуальное). При этом термин «progressive» понимается не в морфосинтаксическом, а в семантическом плане, а именно как тематизация процессуального компонента обозначаемой ситуации. «Фокусно-процессуальное» употребление НСВ в русистике обычно обозначается как «актуально-длительное» значение НСВ, в последнее время иногда и как «прогрессив». Это употребление НСВ имеет место, когда НСВ употребляется в процессуальном значении и при этом предикация относится к фокусной точке (focalization point), которая включается в обозначаемую ситуацию и с которой ситуация наблюдается в своём протекании. При фокусно-процессуальном (актуально-длительном) употреблении НСВ, например в таком предложении, как *Когда я вошел, Вася переводил немецкий текст*, обозначается ситуация, которая в фокусной точке реализована только частично. Обозначаемая ситуация представляется как ещё происходящая в фокусной точке, т. е. как уже возникшая, но ещё не закончившаяся. Продолжается ли эта ситуация после фокусной точки, никак не выражено. «Дуративно-процессуальное» употребление НСВ в русистике получило разные обозначения: «процессное», «процессуальное» и «дуративное» значение НСВ [Апресян 2009: 532]. При дуративно-процессуальном употреблении НСВ предикация тоже отсылает к процессу обозначаемой ситуации. Но в отличие от фокусно-процессуального употребления НСВ при дуративно-процессуальном употреблении фокусная точка (точка «наблюдения»), с которой наблюдается ситуация, оказывается невыраженной. Обозначается ситуация, которая продолжалась неопределённое время в течение некоторого интервала и остаётся открытым, была ли она завершена в рамках этого интервала. Если, как в примере — *Что Вася вчера делал? — Он переводил немецкий текст*, предикация описывает гетерогенную во временном плане ситуацию, то НСВ при дуративно-процессуальном употреблении может обозначать как ситуацию, которая достигла своего завершения, так и ситуацию, которая ещё не завершилась⁵. Как мы видели, это точно так же верно и для употребления НСВ в общих вопросах о фактичности, если они отсылают к конкретной, в контексте уже актуализированной ситуации. Без дальнейшего контекста и в общих вопросах, которые относятся к конкретной ситуации, остаётся открытым, достигли ли запрашиваемые ситуации своей кульминации. В таком примере, как *Вася вчера ПЕРЕВОДИЛ немецкий текст? Он заметил, что не хватает двух страниц?*, при упо-

⁵ Это наблюдение относится и к английскому прогрессиву в дуративно-процессуальном употреблении. Предикация *Last year / When I was in Boston, John was writing a book* 'В прошлом году / Когда я был в Бостоне, Джон писал книгу' никакой информации о том, было ли завершено написание книги в течение обозначенного времени, не даёт, см. [Mittwoch 1988: 229].

треблении НСВ мы не знаем, был ли текст переведён целиком. Вопрос отсылает только к деятельности, каузирующей изменение состояния.

Я бы хотел заключить свои рассуждения следующим образом. Категория вида в русском языке в общих вопросах о фактичности организована иерархически. Общие вопросы, относящиеся к типу, к виду ситуации, могут быть представлены лишь в форме НСВ. При референции к типу ситуации категория вида нейтрализуется. НСВ функционирует в таких предикациях, как *genus proximum* для категории вида. Видовая конкуренция имеется в общих вопросах о фактичности только тогда, когда они относятся к конкретной ситуации — одной или несколькими. НСВ употребляется тогда, когда вопрос отсылает к процессу, деятельности, каузировавшей изменение описываемой ситуации. При этом вопрос о том, достигла ли эта ситуация кульминации, остаётся открытым. Выводы о том, имеет ли место результат, возможны лишь на основании контекста. Как мы видели, такая тематизация процесса предполагает, что вопрос относится к конкретной ситуации и возможен лишь в агентивных контролируемых положениях дел, имеющих процессный компонент. Агентивные ситуации, представляемые как моментальные, не допускают тематизации процесса. Поэтому такие общие вопросы при употреблении НСВ всегда относятся к типу обозначаемой ситуации и НСВ в них имеет общефактическое значение.

Х. Р. Мелиг
Институт славистики Университета им. Христиана-Альбрехта,
Киль, Германия
mehlig@slav.uni-kiel.de

ЛИТЕРАТУРА

- Апресян 1995 — *Апресян Ю. Д.* Интегральное описание языка и системная лексикография. М.: Языки русской культуры, 1995.
- Апресян 2009 — *Апресян Ю. Д.* Исследования по семантике и лексикографии. Т. 1: Парадигматика. М.: Языки славянских культур, 2009.
- Гловинская 2001 — *Гловинская М. Я.* Многозначность и синонимия в видо-временной системе русского глагола. М.: Азбуковник, 2001.
- Грэн, Филошкина Краве 2007 — *Грэн А., Филошкина Краве М.* Конкуренция видов: Прагматические импликатуры и анафорические пресуппозиции несовершенного вида // Вопросы языкознания. 4. 2007. С. 51—62.
- Падучева 1996 — *Падучева Е. В.* Семантические исследования. М.: Языки русской культуры, 1996.
- Рассудова 1982 — *Рассудова О. П.* Употребление видов глагола в современном русском языке. М.: Русский язык, 1982.
- Шатуновский 2004 — *Шатуновский И. Б.* Общефактический НСВ: Коммуникативные функции и референция / Под ред. Ю. Д. Апресяна // Сокровенные смыслы. М.: Языки русской культуры, 2004. С. 367—377.

- Bach 1986 — *Bach E.* The algebra of events // *Linguistics and Philosophy* 9: 5—16.
- Breu 2002 — *Breu W.* Der indefinite Artikel in slavischen Mikrosprachen: Grammatikalisierung im totalen Sprachkontakt // *Kusse H.* (ed.). *Slavistische Linguistik* 2001. Sagner, München, 27—68.
- Dahl 2000 — *Dahl Ö.* (ed.). Tense and Aspect in the Languages of Europe. Empirical Approaches to Language Typology. Euro-Typ 20—6. Berlin, Mouton de Gruyter.
- Dickey 2000 — *Dickey S. M.* Parameters of Slavic Aspect. A Cognitive Approach. Stanford, CSLI.
- Declerck 2006 — *Declerck R.* The Grammar of the English Verb Phrase. Vol. 1. Berlin; NY, Mouton de Gruyter.
- von Heusinger 2002 — *von Heusinger K.* Specificity and Definiteness in Sentence and Discourse Structure // *Journal of Semantics* 19: 245—274.
- Israeli 1998 — *Israeli A.* Speaker's Attitudes, Goals and Aspectual Choices in WH-Questions // *Le Langage et l'Homme* XXXIII, 1, 55—77.
- Kučera et al. 1978 — *Kučera H., Mikoš M., Scarborough C.* Aspect, Word-Order and Intonation: A Study in Linguistic Coaction // *International Review of Slavic Linguistics* 3/1—2. Edmonton, Alb., 183—208.
- Leinonen 1982 — *Leinonen M.* Russian Aspect, 'Temporal'naja Lokalizacija' and Definiteness/Indefiniteness. Helsinki, Neuvostoliittoinstituutti.
- Lyons 1977 — *Lyons J.* Semantics. Vol. 2. Cambridge, University Press.
- Markowicz D., Paillard 1980 — *Markowicz D., Paillard D.* A propos de quelques Indéfinis en Russe. Operations de détermination. *Theorie et description*. Paris, Université VII, 155—237.
- Mehlig 1988 — *Mehlig H. R.* Verbalaspekt und Determination // *J. Raecke* (ed.) *Slavistische Linguistik* 1987. München Sagner, 245—296.
- Mehlig 2001 — *Mehlig H. R.* Verbal Aspect and the Referential Status of Verbal Predicates: On Aspect Usage in Russian *Who*-Questions // *Journal of Slavic Linguistics* 9, 99—125.
- Mittwoch 2008 — *Mittwoch A.* The English Resultative perfect and its relationship to the Experiential perfect and the simple past tense // *Linguistics and Philosophy* 31, 323—351.